

Н.К.Рерих

Цветы Мории

Стихотворения

Берлин, "Слово", 1921.

Содержание

I. СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ.....

II. БЛАГОСЛОВЕННОМУ.....

III. МАЛЬЧИКУ.....

IV. НАСТАВЛЕНИЕ ЛОВЦУ, ВХОДЯЩЕМУ В ЛЕС.....

Камень знай. Камень храни.
 Огонь сокрой. Огнем зажгися.
 Красным смелым.
 Синим спокойным.
 Зеленым мудрым.
 Знай один. Камень храни.
 Фу, Ло, Хо, Камень несите.
 Воздайте сильным.
 Отдайте верным.
 Иенно Гуйо Дья, —
 прямо иди!

1911

СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ

Мы не знаем. Но они знают.
 Камни знают. Даже знают
 деревья. И помнят.
 Помнят, кто назвал горы
 и реки. Кто сложил бывшие
 города. Кто имя дал
 незапамятным странам.
 Неведомые нам слова.
 Все они полны смысла.
 Все полно подвигов. Везде
 герои прошли. “Знать” —
 сладкое слово. “Помнить” —
 страшное слово. Знать и
 помнить. Помнить и знать.
 Значит — верить.
 Летали воздушные корабли.
 Лился жидкий огонь. Сверкала
 искра жизни и смерти.
 Силою духа возносились
 каменные глыбы. Ковался
 чудесный клинок. Берегли
 письма мудрые тайны.
 И вновь явно все. Все ново.
 Сказка — предание сделалось
 жизнью. И мы опять живем.
 И опять изменимся. И опять
 прикоснемся к земле.
 Великое “сегодня” потускнеет
 завтра. Но выступят
 священные знаки. Тогда,
 когда нужно. Их не заметят.
 Кто знает? Но они жизнь
 построят. Где же
 священные знаки?

1915

УВИДИМ

Мы идем искать священные
знаки. Идем осмотрительно и
молчаливо. Люди идут, смеются,
зовут за собою. Другие спешат
в недовольстве. Иные нам
угрожают. Хотят отнять
то, что имеем. Не знают
прохожие, что мы вышли
искать священные знаки. Но
угрожающие пройдут. У них
так много дела. А мы
будем искать священные
знаки. Никто не знает, где
оставил хозяин знаки свои.
Вернее всего, они — на столбах
у дороги. Или в цветах.
Или в волнах реки.
Думаем, что их можно
искать на облачных сводах.
При свете солнца, при свете
луны. При свете смолы
и костра, будем искать
священные знаки. Мы долго
идем, пристально смотрим.
Многие люди мимо прошли.
Право, кажется нам, они
знают приказ: найти
священные знаки. Становится
темно. Трудно путь
усмотреть. Непонятны места.
Где могут они быть —
священные знаки? Сегодня
мы их, пожалуй, уже не
найдем. Но завтра будет
светло. Я знаю — мы их
увидим.

1915

“НА ПОСЛЕДНИХ ВРАТАХ”

Нам сказали: “Нельзя”.
Но мы все же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово “нельзя”.
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали: “Нельзя”.
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: “Нельзя”.
“Стражи седые, выдавшие,
знавшие! Ошибаетесь стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет, чтобы
мы знали, чтобы мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принес.
Допустите нас, стражи!”
“Нельзя”, — нам сказали
и затворили врата.
Но все же много врат
мы прошли. Протеснились.
И “можно” оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.
И просили. И угрожали.
Остерегали: “Нельзя”.
Мы заполнили всюду “нельзя”.
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему.
И позади только “можно”.
Но на последних вратах
будет начертано “можно”.
Будет за нами “нельзя”.
Так велел начертать
Он на последних
вратах.

1916

НИЩИЙ

В полночь приехал наш Царь.
В покой он прошел. Так сказал.
Утром Царь вышел в толпу.
А мы и не знали...
Мы не успели его повидать.
Мы должны были узнать повеленья.
Но ничего, в толпе к нему подойдем
и, прикоснувшись, скажем и спросим.
Как толпа велика! Сколько улиц!
Сколько дорог и тропинок!
Ведь Он мог далеко уйти.
И вернется ли снова в покой?
Всюду следы на песке.

Все-таки мы следы разберем.
Шел ребенок. Вот женщина с ношей.
Вот, верно, хромой — припадал он.
Неужели разобрать не удастся?
Ведь Царь всегда имел посох.
Разберем следы упиравшихся.
Вот острый конец боевой.
Не похоже! Шире посох Царя,
а поступь спокойней.
Метными будут удары от посоха.
Откуда прошло столько людей?
Точно все сговорились наш путь
перейти. Но вот поспешим.
Я вижу след величавый,
сопровожденный широким посохом
мирным. Это, наверно,
наш Царь. Догоним и спросим.
Толкнули и обогнали людей. Пospешили.
Но с посохом шел слепой
нищий.

1916

ТРОПИНКИ

Царя мы настигнем в лесу.
Не помешают нам люди.
Там мы спросим Его.
Но Царь всегда ходит один,
а лес весь полон тропинок.
Неизвестно, кто ими прошел,
проходили жители ночи.
Молчаливо прошли и ушли.
Днем пустынно в лесу.
Птицы молчат и ветер молчит.
Царь наш далеко ушел.
Замолчали пути и
тропинки.

ПОВЕРИТЬ?

Наконец мы узнали,
куда прошел Царь наш.
На старую площадь трех башен.
Там он будет учить.
Там он даст повеления.
Скажет однажды. Дважды
наш Царь никогда не сказал.
На площадь мы поспешим.
Мы пройдем переулком.
Толпы спешащих минуем.
К подножию Духовой башни
мы выйдем. Многим тот путь
незнаком. Но всюду народ.
Все переулки наполнены.

В проходных воротах теснятся.
А там Он уже говорит.
Дальше нам не дойти.
Пришедшего первым не знает
никто. Башня видна, но вдали.
Иногда, кажется, будто звучит
Царское слово. Но нет.
Слов Царя не услышать.
Это люди передают их
друг другу. Женщина — воину.
Воин — вельможе. Мне передает
их сапожник сосед. Верно ли
слышит он их от торговца,
ставшего на выступ крыльца?
Могу ли я им
поверить?

ЗАВТРА

Я знал столько полезных вещей
и теперь все их забыл.
Как обокраденный путник,
как бедняк, потерявший имущество,
я вспоминаю тщетно о богатстве,
которым владел я давно;
вспоминаю неожиданно, не думая,
не зная, когда мелькнет погибшее
знание. Еще вчера я многое знал,
но в течение ночи все затемнело.
Правда, день был велик.
Была ночь длинна и темна.
Пришло душистое утро.
Было свежо и чудесно.
И озаренный новым солнцем
забыл я и лишился того,
что было накоплено мною.
Под лучами нового солнца
знания все растворились.
Я более не умею отличить
врага от друзей.
Я не знаю, когда грозит мне
опасность. Я не знаю, когда
придет ночь. И новое солнце
встретить я не сумею.
Всем этим владел я,
но теперь обеднел.
Обидно, что снова узнаю
нужное не ранее завтра,
а сегодняшний день еще длинен.
Когда придет оно —
завтра?

ВРЕМЯ

В толпе нам идти тяжело.
Столько сил и желаний враждебных.

Спустились темные твари
на плечи и лица прохожих.
В сторону выйдем, там
на пригорке, где столб стоит
древний, мы сядем.
Пойдут себе мимо.
Все порожденья осядут внизу,
а мы подождем.
И если бы весть
о знаках священных возникла,
устремимся и мы.
Если их понесут,
мы встанем и воздадим почитание.
Зорко мы будем смотреть.
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать
и выйдет тогда, когда —
время.

В ТОЛПУ

Готово мое одеянье. Сейчас
я маску надену. Не удивляйся,
мой друг, если маска будет
страшна. Ведь это только
личина. Придется нам
выйти из дома. Кого мы
встретим? Не знаем. К чему
покажемся мы. Против свирепых
щитом защищайся.
Маска тебе неприятна?
Она на меня не похожа?
Под бровями не видны
глаза? Изборожден очень лоб?
Но скоро личину мы
снимем. И улыбнемся друг
другу. Теперь войдем мы
в толпу.

1918

НАПРАСНО

Не видно знаков священных.
Дай глазам твоим отдохнуть.
Знаю, они утомились. Закрой
их. Я за тебя посмотрю. Скажу
о том, что увижу. Слушай!
Вокруг нас та же равнина.
Седые кусты шелестят.
Озера сталью сверкают.
Безответно замерли камни.
Блестят в лугах сияньем
холодным. Холодны тучи.
В морщинку сложились. Ушли
бесконечно. Знают, молчат и
хранят. Птицы не вижу.
Зверь не бежит по равнине.
По-прежнему нет никого.
Никто не идет. Ни одной
точки. Путника ни одного.
Не понимаю. Не вижу. Не знаю.
Глаз свой ты напрягал бы
напрасно.

1918

В ТАНЦЕ

Бойтесь, когда спокойное придет
в движение. Когда посеянные ветры
обратятся в бурю. Когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Страшитесь, когда в земле кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своем. Бойтесь, когда возле
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы. Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы
писаний станут непрочными,
а слова злыми. Ах, соседи мои!
Вы устроились плохо. Вы все
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего! И с сумою несчастья
вы пошли скитаться и завоевывать
мир. Ваше безумие назвало самую
безобразную женщину: желанная!
Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя
в танце.

1916

ВЗОЙДУ

Голос еще раз подам.
Куда от меня вы ушли?
Вас мне снова не слышно.
Голоса ваши в скалах
заглохли. Я больше не отличу
голос ваш от
ветки падения, от взлета
птицы случайной. Призывы
мои для вас тоже исчезли.
Не знаю, пойдете ли вы,
но хочется мне еще на
вершину подняться. Камни
уже оголились. Мхи стали
реже, а можжевельник
засох и держится слабо.
Аркан ваш пригодным
был бы и мне, но и один я
взойду.

1917

УВИДИШЬ

Что лицо мое греет?
Светит солнце, теплом
наш сад наполняет.
Что там шумит?
Море шумит. Хотя за
скальной горой его и не видно.
Откуда аромат миндаля?
Черемуха вся распустилась.
Белым цветом залиты
деревья. Яблони тоже
цветут. Все разноцветно
сверкает. Что перед нами?
Ты стоишь на пригорке.
Перед нами спускается сад.
За лугом синееет залив.
На той стороне холмы и
леса. Темнеют сосновые
горы. Очертанья уходят
в даль голубую. Когда я
увидю все это? Завтра
увидишь.

1917

ПРИВРАТНИК

“Привратник, скажи, почему
эту дверь затворяешь? Что
неотступно хранишь?” — “Храню

тайну покоя”. — “Но пуст ведь покой. Достоверные люди сказали: там нет ничего”.
— “Тайну покоя я знаю. Ее охранять я поставлен”. —
“Но пуст твой покой”. —
“Для тебя он пуст”, — ответил привратник.

КЛЮЧИ ОТ ВОРОТ

Волшебником буду сегодня
и неудачу в удачу я превращу.
Заговорили молчавшие.
Обернулись назад уходившие.
Закивали все грозные.
Поникли все угрожавшие.
Мысли, пришедшие, как голубь,
залегли для управления миром.
Самые тихие слова принесли
бурю. И ты шел, как тень
того, что должно наступить.
И ребенком ты станешь,
чтобы стыд не мешал тебе.
Ты сидел у проезжих ворот,
доступных для каждого плута.
Спрашивал, кто хочет тебя
обмануть? Что тут удивительного?
Удачливый охотник найдет
достойную охоту. Найдет вне страха.
Но получив удачу свою,
уходя, знаю я, что не всех
из вас я увидал. Лучшие
встречи остались без
завершенья. И много добрых
мимо прошли или еще
не дошли. А я их не знал.
И переодетым я сидел между
вами. И вы закутались
в разные ткани. Молча
хранили заржавленные ключи
от ворот.

1917

К НЕМУ

Я нашел наконец пустытника.
Вы знаете, как трудно найти
пустытника здесь на земле.
Просил я его, укажет ли
он путь мой и примет ли
он благосклонно мои труды?
Он долго смотрел и спросил,
что у меня есть самое любимое?

Самое дорогое? Я отвечал:
“Красота”. — “Самое любимое
ты должен оставить”. — “Кто
заповедал это?” — спросил я.
“Бог”, — ответил пустынный.
Пусть накажет меня Бог —
я не оставлю самое прекрасное,
что нас приводит
к Нему.

1920

НАШ ПУТЬ

Путники, сейчас мы проходим
сельской дорогой. Хутора чередуются
полями и рощами. Дети заботятся
о стадах. К нам дети подходят.
Мальчик нам поддал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с нею нам
будет легче идти. Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов еще не далеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую травку.
Ты сломал корзиночку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
данную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,
что имели, чтобы украсить
наш путь.

1917

НЕ ОТКРОЮ

Усмешку оставь, мой приятель.
Ты ведь не знаешь, что у меня
здесь сокрыто. Ведь без тебя
я наполнил этот ларец.
Без тебя и тканью закрыл.
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
тебе никого не удастся.
Если же хочешь болтать —
тебе придется солгать.
Выдумай сам и солги,
но ларец я теперь

не открою.

1917

II. БЛАГОСЛОВЕННОМУ КАПЛИ

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю. Не вижу, кто подберет
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Из всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только
капли.

1920

ПОРА

Встань, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых.
Сейчас я узнал, где хранится
один из знаков священных.
Подумай о счастье, если
один знак найдем мы.
Надо до солнца пойти.
Ночью все приготовить.
Небо ночное, смотри,
невиданно сегодня чудесно.
Я не запомню такого.
Вчера еще Кассиопея
была и грустна и туманна,
Альдебаран пугливо мерцал.
И не показалась Венера.
Но теперь воспрянули все.
Орион и Арктур засверкали.
За Алтаиром далеко
новые звездные знаки
блестят, и туманность
созвездий ясна и прозрачна.
Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем?
Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам
пора.

1916

УВОДЯЩИЙ

Приходящий в ночной тишине,
говорят, что Ты невидим,
но это неправда.
Я знаю сотни людей,
и каждый видел Тебя,
хотя бы один раз.
Несколько бедных и глупых
не успели Твой лик разглядеть,
изменчивый многообразно.
Ты не хочешь мешать нашей
жизни. Ты не хочешь нас испугать
и проходишь в тишине и молчаньи.
Глаза Твои могут сверкать,
голос Твой может греметь.
И рука может быть тяжела
даже для черного камня.

Но Ты не сверкаешь,
Ты не гремишь,
И не дашь сокрушенья. Знаешь,
что разрушенье ничтожней покоя.
Ты знаешь, что тишина
громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и
уводящий.

1916

УТРОМ

Не знаю и не могу.
Когда я хочу, думаю, —
кто-то хочет сильнее?
Когда я узнаю, —
не знает ли кто еще тверже?
Когда я могу, — не может ли
кто и лучше, и глубже?
И вот я не знаю и не могу.
Ты, в тишине приходящий,
безмолвно скажи, что я в жизни
хотел и что достигнуто мною?
Возложи на меня свою руку, —
буду я снова и мочь и желать,
и желанное ночью вспомнится
утром.

1916

БЛАГОДАТЬ

Дар мой прими, милый друг!
Трудом и знаньем я накопил
этот дар. Чтобы отдать его,
я сложил. Я знал, что отдам
его. На даре моем наслоишь
радости духа. Тишина и покой.
Среди восстания духа в дар
мой твой взор устреми.
А если хочешь слуге приказать
дар принести, ты его назови
благодать.

1918

ОТКРОЙ

У тебя на полках по стенам
многие склянки стояли.
Разноцветные они. Закрыты
все бережливо. Иные обернуты
плотно, чтобы свет не проник.

Что в них — не знаю.
Но их сурово хранишь.
Оставшись один, по ночам
огни у себя зажигаешь и новый
состав ты творишь.
Знаешь, чему полезны составы.
Помощь твоя мне нужна.
В твои составы я верю.
Который мне будет
полезен, тот сейчас и
открой.

1917

ОСТАВИЛ

Я приготовился выйти в дорогу.
Все, что было моим, я оставил.
Вы это возьмете, друзья.
Сейчас в последний раз обойду
дом мой. Еще один раз
вещи я осмотрю. На изображенья
друзей я взгляну еще один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто мое не осталось.
Вещи и все, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
Кто меня призывает освобожденным,
я обращаюсь. Теперь еще раз
я по дому пройду. Осмотрю еще раз
все то, от чего освобожден я.
Свободен и волен и помышлением
тверд. Изображенья друзей и вид
моих бывших вещей меня
не смущает. Иду. Я спешу.
Но один раз, еще один раз
последний я обойду все, что
оставил.

1918

СВЕТ

Как увидеть Твой лик?
Всепроникающий Лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
все, жажда пустыни и соль

океана! Буду ждать сиянье
Твое. Перед Ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет
луна. Ни звезды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга,
не играет сияние севера.
Там сияет Твой Лик.
Все сияет светом его.
В темноте сверкают
крупницы Твоего сиянья.
И в моих закрытых глазах
брезжит чудесный твой
свет.

1918

КАК УСТРЕМЛЮСЬ?

Птицы Хомя прекрасные,
Вы не любите землю. Вы
на землю никогда не
опуститесь. Птенцы ваши
рождаются в облачных
гнездах. Вы ближе к солнцу.
Размыслим о нем сверкающем.
Но Девы земли чудотворны.
На вершинах гор и на дне
морей прилежно ищи. Ты
найдешь славный камень
любви. В сердце своем
ищи Вриндаван — обитель
любви. Прилежно ищи и
найдешь. Да проникнет
в нас луч ума. Тогда
все подвижное утвердится.
Тень станет телом.
Дух воздуха обратится
на сушу. Сон в мысль
превратится. Мы не будем
уносимы бурей. Сдержим
крылатых коней утра.
Направим порывы вечерних
ветров. Слово Твое — океан
истины. Кто направляет
корабль наш к берегу?
Майи не ужасайтесь. Ее
непомерную силу и власть
мы преидем. Слушайте!
Слушайте! Вы кончили
споры и ссоры? Прощай,
Араньяни, прощай, серебро
и золото неба! Прощай,
дуброва тишайшая!
Какую сложу тебе песнь?
Как устремлюсь?

УЛЫБКА ТВОЯ

На пристани мы обнялись и простились.
 В волнах золоченых скрылась ладья.
 На острове — мы. Наш — старый дом.
 Ключ от храма — у нас. Наша пещера.
 Наши и скалы, и сосны, и чайки.
 Наши — мхи. Наши звезды — над нами.
 Остров наш обойдем. Вернемся
 к жилью только ночью. Завтра,
 братья, встанем мы рано.
 Так рано, когда еще солнце
 не выйдет. Когда восток
 зажжется ярким сияньем.
 Когда проснется только земля.
 Люди еще будут спать.
 Освобожденными, вне их забот,
 будем мы себя знать. Будем
 точно не люди. К черте подойдем
 и заглянем. В тишине и молчаньи.
 И нам молчащий ответит.
 Утро, скажи, что ты проводило
 во мраке и что встречает опять
 улыбка твоя.

1918

НЕ ПОНЯВ

Не знаю, когда сильно слово твое?
 Иногда ты становишься обыкновенным.
 И, притаившись, сидишь между
 глупцами, которые знают так
 мало. Иногда ты скажешь и будто
 не огорчаешься, если тебя не поймут.
 Иногда ты смотришь так нежно
 на незнающего, что я завидую
 его незнанию. Точно не заботишься
 ты свой лик показать. И когда
 слушаешь речи прошедшего дня,
 даже опускаешь глаза, точно
 подбирая самые простые слова.
 Как трудно распознать все твои
 устремленья. Как не легко идти
 за тобою. Вот и вчера, когда ты
 говорил с медведями, мне
 показалось, что они отошли, тебя
 не поняв.

1920

Я СОХРАНЮ

Подойди, подойди ко мне, светлый,
не испугаю тебя я ничем,
Вчера ты хотел подойти,
но бродили думы мои и взгляд
мой скользил. Тебя увидеть я
не мог. Когда ты уже отошел,
я почуял твое дуновенье,
но было поздно уже. А сегодня
оставлю все, что мне помешало.
Мысли я погружу в тишину.
В радости духа прощу всем
досадившие сегодня. Спокойным
я остаюсь. Мне никто не мешает.
Звуки жизни случайной меня
не тревожат. Жду. Я знаю, что ты
меня не покинешь. Ко мне
подойдешь. Образ твой в молчании
я сохраню.

1917

И ЛЮБОВЬ

Что случилось с дружбой!
Когда я допущен был
в обитель стовратную!
Если друг твой, некогда
милый тебе, прогневал тебя,
не карай его, Мощный,
по заслугам его. Все говорят,
что ты отвратился? Когда
утешенный сердцем увижу
тебя примиренным? Прими!
Источник слов моих знаешь.
Вот грехи и добро мое!
Я приношу их тебе.
Возьми и то и другое.
Вот знание и невежество!
Возьми и то и другое.
Преданность тебе мне оставь!
Вот чистота и скверна!
Я не хочу ни того, ни другого!
Вот добрые и злые помыслы.
И то и другое я тебе приношу.
Сны, вводящие в грех, и
сновидения правды я тебе отдаю.
Сделай так, чтобы осталась
у меня к тебе преданность
и любовь.

1917

БЕЗДОННО

Ты, Могущий, везде и во всем.
Ты пробуждаешь нас к свету.
Нас усыпляешь во тьме.
Ты ведешь нас в блуждании.
Идти неизвестно куда понравилось
нам. Три дня мы блуждали,
с нами огонь, оружие, одежда...
Кругом много птиц и зверья,
чего же? Над нами закаты,
восходы, пряный ветер душистый.
Сперва шли широкой долиной.
Зелены были поля.
А дали были так сини.
Потом шли лесами и мшистым
болотом. Цвел вереск. Ржавые
мшаги мы обходили. Бездонные
окнища мы миновали. Держались
по солнцу. Затучилось. Слушали
ветер. На влажную руку ловили
волны его. Стих ветер. Поредели
леса. Пошли мы кряжем
скалистым. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми
жилами массы камней славилась
в давней работе творенья. Сползали
уступами. За грядями утесов
ничто не виднелось. Темнело,
ступенями великанова храма
спустимся ниже. Тучи. Стало
темно. Снизу застлались
туманы. Ступени все круче и
круче. С трудом мы сползали
на мох. Нога внизу ничто
нащупать не может. Здесь мы
ночуем. На мшистом уступе
подремлем до утра. Долгая
тихая ночь. Просыпаясь, слышим
лишь свист неясных полетов.
Вой далекий дрожит равномерно.
Засветился восток. Застлали
туманы долину. Остры, как лед,
синими глыбами сгрудились
плотно. Мы долго сидели вне
мира. Пока туман разошелся.
Поднималась над нами стена.
Под нами синела пропасть
бездонно.

1918

ЛЮБОВЬ?

Вот уж был день! Пришло
к нам сразу столько людей.
Они привели с собой каких-то

совсем незнакомых. Разве я
не мог ничего о них расспросить?
Хуже всего, что они говорили
на языках совсем непонятных.
И я улыбался, слушая их
странные речи. Говор одних
походил на клекот горных.
орлов. Другие шипели, как змеи.
Волчий лай иногда узнавал я.
Речи сверкали металлом. Слова
становилися грозны. В них
грохотали горные камни.
В них град проливался.
В них шумел водопад.
А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своем языке
повторяли милое нам слово
любовь?

1920

НЕ УДАЛЯЛСЯ

Начатую работу Ты мне оставил.
Ты пожелал, чтоб я ее продолжил.
Я чувствую Твое доверие ко мне.
К работе отнесусь внимательно
и строго. Ведь Ты работой этой
занимался сам. Я сяду к Твоему
столу. Твое перо возьму.
Расставлю Твои вещи как
бывало. Пусть мне они помогут.
Но многое не сказано Тобою,
когда Ты уходил. Под окнами
торговцев шум и крики.
Шаг лошадей тяжелый по
камням. И громыхание колес
оббитых. Под крышею свист
ветра. Снастей у пристани
скрипенье. И якорей тяжелые
удары. И птиц приморских
вопли. Тебя не мог спросить я:
мешало ли Тебе все это?
Или во всем живущем Ты
черпал вдохновенье. Насколько знаю,
Ты во всех решеньях от земли
не удалялся.

1919

ЗАМЕЧАЮ

Незнакомый человек поселился
около нашего сада. Каждое утро

он играет на гусях и поет
свою песнь. Мы думаем
иногда, что он повторяет
песню, но песнь незнакомца
всегда нова. И всегда какие-то
люди толпятся у калитки.
Уже мы выросли. Брат уже
уезжал на работу, а сестра
должна была выйти замуж.
А незнакомец все еще пел.
Мы пошли попросить его
спеть на свадьбе сестры.
При, этом мы спросили:
откуда берет он новые
слова и как столько времени
всегда нова его песнь. Он
очень удивился, как будто, и,
расправив белую бороду, сказал:
“Мне кажется, я только вчера
поселился около вас. Я еще
не успел рассказать даже
о том, что вокруг себя
замечаю”.

1919

ЖЕМЧУГ

Опять вестник. Опять Твой
приказ! И дар от Тебя!
Владыко, Ты прислал мне
жемчужину Твою и повелел
включить ее в мое ожерелье.
Но Ты знаешь, Владыко,
мое ожерелье — поддельно.
И длинно оно, как бывают
длинны только поддельные
вещи. Твой сверкающий
дар среди тусклых
игрушек потонет. Но Ты
приказал. Я исполню.
Эй вы, уличные гуляки!
Среди моего ожерелья
есть от Владыки
данный мне
жемчуг!

1920

НАМ?

В жизни так много чудесного.
Каждое утро мимо нашего берега
проплывает неизвестный певец.

Каждое утро медленно из тумана
движется легкая лодка и
всегда звучит новая песнь.
И так же, как всегда, скрывается
певец за соседним утесом.
И нам кажется: мы никогда
не узнаем, кто он, этот
певец, и куда каждое утро
держит он путь. И кому
поет он всегда новую песнь.
Ах, какая надежда наполняет
сердце и кому он поет?
Может быть,
нам?

1920

ВЕСЕЛИСЯ!

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
блестящие знамена света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем — чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твое незнание. Но от вьюги было
все так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамена света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знамя света
над тобою блещет!
Веселился!

1918

УЛЫБКОЙ?

Вестник, мой вестник!
Ты стоишь и улыбаешься.
И не знаешь, что ты принес
мне. Ты принес мне дар
исцеленья. Каждая слеза моя
исцелит немощи мира.
Но, Владыко, откуда мне
взять столько слез и которой
из немощей мира отдать
мне первый поток? Вестник,

мой вестник, ты стоишь и
улыбаешься. Нет ли у тебя
приказа лечить несчастье
улыбкой?

1921

III. МАЛЬЧИКУ

ВЕЧНОСТЬ

Мальчик, ты говоришь,
что к вечеру в путь соберешься.
Мальчик мой милый, не медли.
Утром выйдем с тобою.
В лес душистый мы вступили
среди молчаливых деревьев.
В студеном блеске росы,
под облаком светлым и чудным,
пойдем мы в дорогу с тобою.
Если ты медлишь идти, значит,
еще ты не знаешь, что есть
начало и радость, первоначало и
вечность.

1916

СВЕТ

Мальчик, с сердечной печалью
ты сказал мне, что стал день короче,
что становится снова темнее.
Это затем, чтобы новая радость возникла:
ликование рождению света.
Приходящую радость я знаю.
Будем ждать мы ее терпеливо.
Но теперь, как день станет короче,
всегда непонятно тоскливо проводим мы
свет.

1916

ЖЕЗЛ

Все, что услышал от деда,
я тебе повторяю, мой мальчик.
От деда и дед мой услышал.
Каждый дед говорит.
Каждый слушает внук.
Внуку, милый мой мальчик,
расскажешь все, что узнаешь!
Говорят, что седьмой внук исполнит.
Не огорчайся чрезмерно, если
не сделаешь все, как сказал я.

Помни, что мы еще люди.
Но тебя укрепить я могу.
Отломи от орешника
ветку, перед собой неси.
Под землю увидеть тебе
поможет данный мной
жезл.

1915

ПОСЛАН

Не подходи сюда, мальчик.
Тут за углом играют большие,
кричат и бросают разные вещи.
Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай.
Свирепы игры больших,
на игру твою не похожи.
Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди — игроки утомятся, —
кончатся игры людей,
и пройдешь туда, куда
послан.

1916

УКРАШАЙ

Мальчик, вещей берегися.
Часто предмет, которым владеем,
полон козней и злоумышлений,
опаснее всех мятежей.
При себе носим годы злодея,
не зная, что это наш враг.
На совете имущества маленький
нож всегда вам враждебен.
Бывает враждебен и посох.
Часто встают мятежом
светильники, скамьи, затворы.
Книги уходят безвестно.
К мятежу пристаю иногда
самые мирные вещи.
Спасть от них невозможно.
Под страхом мести смертельной
живете вы долгие годы
и в часы раздумья и скуки
врага ласкаете вы.
Если кто уцелел от людей,
то против вещей он бессилен.
Различно цветно светятся все твои
вещи. Благими вещами жизнь свою
украшай.

В ЗЕМЛЮ

Мальчик, останься спокойным.
 Священнослужитель сказал
 над усопшим немую молитву,
 так обратился к нему:
 “Ты древний, непогубимый,
 ты постоянный, извечный,
 ты устремившийся ввысь,
 радостный и обновленный”.
 Близкие стали просить:
 “Вслух помолися,
 мы хотим слышать,
 молитва нам даст утешенье”. —
 “Не мешайте, я кончу,
 тогда я громко скажу,
 обращуся к телу, ушедшему
 в землю”.

1915

НЕ МОЖЕМ

Ты полагаешь, что кончил?
 На три вопроса ответь:
 Как могу я узнать,
 сколько лет ворон прожил?
 До самой дальней звезды
 велико ль от нас расстоянье?
 Что я желаю теперь?
 Приятель, опять мы не знаем?
 Опять нам все неизвестно.
 Опять должны мы начать.
 Кончить ничто мы
 не можем.

1916

НЕ УБИТЬ?

Мальчик жука умертвил.
 Узнать его он хотел.
 Мальчик птичку убил,
 чтобы ее рассмотреть.
 Мальчик зверя убил,
 только для знанья.
 Мальчик спросил: может ли
 он для добра и для знанья
 убить человека?
 Если ты умертвил
 жука, птицу и зверя,

почему тебе и людей
не убить?

1916

НЕ СЧИТАЙ

Мальчик, значения ссоре не придавай.
Помни, большие — странные люди.
Сказав друг о друге самое злое,
завтра готовы врагов друзьями назвать.
А спасителю-другу послать обидное
слово. Уговори себя думать, что злоба
людей неглубока. Думай добрее
о них, но врагов и друзей
не считай!

1916

НЕ ЗАКРОЙ

Над водоемом склонившись,
мальчик с восторгом сказал:
“Какое красивое небо!
Как отразилось оно!
Оно самоцветно, бездонно!”
“Мальчик мой милый,
ты очарован одним отраженьем.
Тебе довольно того, что внизу.
Мальчик, вниз не смотри!
Обрати глаза твои вверх.
Сумей увидеть великое небо.
Своими руками глаза себе
не закрой”.

1916

ПОД ЗЕМЛЕЮ

Черепка мы снова нашли.
Но не было знаков на них.
Один топором был
рассечен. Другой пронзен
был стрелой. Но не для
нас эти знаки. Тесно
лежали, без имени все,
схожие между собою. Под
ними лежали монеты.
И лики их были стерты.
Милый друг, ты повел
меня ложно. Знаки
священные мы не найдем
под землею.

1907

ТОГДА

Ошибаешься, мальчик! Зла — нет.
Зло сотворить Великий не мог.
Есть лишь несовершенство.
Но оно так же опасно, как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаем бесчисленных тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами,
наши творенья! Размеры
и вид их созданы нами.
Берегися рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут. Осторожно
к толпе прикасайся. Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:
жить, не бояться и верить.
Остаться свободным и сильным.
А после удастся и полюбить,
Темные твари все это очень
не любят. Сохнут и гибнут
тогда.

1916

ПОМОЖЕТ

Мальчик, опять ты ошибся.
Ты сказал, что лишь
чувствам своим ты поверишь.
Для начала похвально, но как
быть нам с чувствами теми,
что тебе незнакомы сегодня,
но которые ведомы мне?
И в чувствах первейших,
которыми ты овладел,
как ты полагаешь, — поверь,
ты еще не совершенен.
Слух разве подвластен тебе?
Твое зренье бедно.
Грубо твое осязанье.
О неведомых чувствах,
если мне не поверишь,
я укажу тебе каплю
воды без стекла рассмотреть.
О населяющих воздух мне
рассказать? Ты улыбнулся.
Ты замолчал. Ты не ответил.

Мальчик, водительство духа
чаще ты призывай,
оно тебе в жизни
поможет.

1916

БОГ ДАСТ

Подойди ко мне, мальчик, не бойся.
Большие тебя научили бояться.
Только пугать люди могут.
Ты рос без страха.
Вихрь и мрак, вода и пространство,
ничто не страшило тебя.
Меч извлеченный тебя восхищал.
К огню ты протягивал руки.
Теперь ты напуган,
все стало враждебно,
но меня ты не бойся.
У меня есть друг тайный,
страхи твои отвратит он.
Когда ты уснешь,
я тихонько его позову к изголовью, —
того кто силой владеет.
Он тебе слово шепнет.
Смелым встанешь,
Бог даст.

1916

ПРИ ВСЕХ

Плакать хотел ты и не знал,
можно ли? Ты плакать боялся,
ибо много людей на тебя
смотрело. Можно ли плакать
на людях? Но источник слез
твоих был прекрасен. Тебе
хотелось плакать над безвинно
погибшим. Тебе хотелось лить
слезы над молодыми борцами
за благо. Над всеми, кто отдал
все свои радости за чужую
победу, за чужое горе. Тебе
хочется плакать о них.
Как быть, чтобы люди
не увидели слезы твои?
Подойди ко мне близко.
Я укрою тебя моею одеждой.
И ты можешь плакать,
а я буду улыбаться и все
поймут, что ты шутил и
смеялся. Может быть, ты
шептал мне слова веселья.
Смеяться ведь можно
при всех.

1919

О ВЕЧНОМ

Зачем хотел ты сказать
неприятное мне? Ответ мой
готов. Но прежде скажи
мне. Подумай крепко, скажи!
Ты никогда не изменишь
желанье твое? Ты останешься
верен тому, чем на меня
замахнулся? Про себя знаю я,
ответ мой готов позабыть.
Смотри, пока мы говорили,
кругом уже все изменилось.
Ново все. То, что нам
угрожало, нас теперь призывает.
Звавшее нас ушло без возврата.
Мы сами стали другими.
Над нами и небо иное.
И ветер иной. Солнца лучи
сияют иначе. Брат, покинем
все, что меняется быстро.
Иначе мы не успеем
подумать о том, что
для всех неизменно. Подумать
о вечном.

ПОВТОРЯЕШЬ

Замолчал? Не бойся сказать.
 Думаешь, что рассказ твой
 я знаю, что мне ты его
 уже не раз повторял?
 Правда, я слышал его
 от тебя самого не однажды.
 Но ласковы были слова,
 глаза твои мягко мерцали.
 Повесть твою еще повтори.
 Каждое утро в сад мы выходим.
 Каждое утро ликуем мы
 солнцу. И повторяет свои
 дуновения ветер весенний.
 Солнца теплом ты обвей
 свою милую повесть.
 Словом благоуханным,
 точно ветер весенний, в
 рассказе своем улыбнися.
 И посмотри так же ясно,
 как всегда, когда повесть свою
 повторяешь.

1918

ДЕТСКИЕ ЗАМКИ

На мощной колонне храма сидит
 малая птичка. На улице дети
 из грязи строят неприступные
 замки. Сколько хлопот около
 этой забавы! Дождь за ночь
 размыл их твердыни и конь
 прошел через их стены. Но
 пусть пока дети строят
 замок из грязи и на колонне
 пусть сидит малая птичка.
 Направляясь к храму, я не подойду
 к колонне и обойду стороною
 детские замки.

1920

НЕ УБЬЮТ

Сделал так, как хотел,
 хорошо или худо, не знаю.
 Не беги от волны, милый мальчик.
 Побежишь — разобьет, опрокинет.
 Но к волне обернись, наклонися

и прими ее твердой душою.
Знаю, мальчик, что биться
час мой теперь наступает.
Мое оружие крепко.
Встань, мой мальчик, за мною.
О враге ползущем скажи...
Что впереди, то не страшно.
Как бы они ни пытались,
будь тверд, тебя они
не убьют.

1916

ВИЖУ Я!

В землю копье мы воткнем.
Окончена первая битва.
Оружье мое было крепко.
Мой дух был бодр и покоен.
Но в битве я, мальчик, заметил,
что блеском цветов ты отвлекся.
Если мы встретим врага,
ты битвой, мальчик, зажгися,
в близость победы поверь.
Глазом стальным, непреклонным
зорко себя очерти,
если битва нужна,
если в победу ты веришь.
Теперь насладимся цветами.
Послушаем горлинки вздохи.
Лицо в ручье охладим.
Кто притаился за камнем?
К бою! Врага
вижу я!

1916

ЗАХОЧЕШЬ

В знак победы, милый
мой мальчик, платье
цветное ты не надень.
Победа была, а бой будет.
Не смогут тебя победить.
Но выйдут биться с тобою.
Твою прошлую жизнь прозревая,
сколько блестящих побед
и много горестных знаков я вижу.
Но победа тебе суждена,
если победу
захочешь.

1917

ПОДВИГ!

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
подвиг!

1916

ЛАКШМИ ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

В светлом саду живет благая
Лакшми. На восток от горы
Зент-Лхамо. В вечном труде
она украшает свои семь
покрывал успокоения. Это
знают все люди. Все они
чтут Лакшми, Счастье несущую.
Боятся все люди сестру ее
Сиву Тандаву. Она злая и страшная
и гибельная. Она разрушает.
Ах ужас, идет из-за гор Сива
Тандава. Злая подходит к храму
Лакшми. Тихо подошла злая и,
усмирив голос свой, окликает
благую. Отложила Лакшми свои
покрывала. И выходит на зов.
Открыто прекрасное тело благое.
Глаза у благой бездонные. Волосы
очень темные. Ногти янтарного
цвета. Вокруг груди и плеч
разлиты ароматы из особенных
трав. Чисто умыта Лакшми
и ее девушки. Точно после ливня
изваяния храмов Аджанты. Но
вот ужасна была Сива Тандава.
Даже в смиренном виде своем.
Из пёсьей пасти торчали клыки.
Тело непристойно обросло волосами.
Даже запястье из горячих рубинов
не могли украсить злую Сиву
Тандаву. Усмирив голос свой,
позвала злая благую сестру.
“Слава тебе, Лакшми, родня моя!
Много ты натворила счастья и
благодеяния. Слишком много
прилежно ты наработала. Ты

настроила города и башни. Ты украсила золотом храмы. Ты расцветила землю садами. Ты — красоту возлюбившая. Ты сделала богатых и дающих. Ты сделала бедных, но получающих и тому радующихся. Мирную торговлю и добрые связи ты устроила. Ты придумала радостные людям отличия. Ты наполнила души сознанием приятным и гордостью. Ты щедрая! Радостно люди творят себе подобных. Слава тебе! Спокойно глядишь ты на людские шествия. Мало что осталось делать тебе. Боюсь, без труда утучнеет тело твое. И прекрасные глаза станут коровьими. Забудут тогда люди принести тебе приятные жертвы. И не найдешь для себя отличных работниц. И смешаются все священные узоры твои. Вот я о тебе позаботилась, Лакшми, родня моя. Я придумала тебе дело. Мы ведь близки с тобою. Тягостно мне долгое разрушение временем. А ну-ка, давай все людское строение разрушим. Давай разобьем все людские радости. Изгоним все накопленные людские устройства. Мы обрушим горы. И озера высушим. И пошлем и войну и голод. И снесем города. Разорви твои семь покрывал успокоения. И сотворю я все дела мои. Возрадуюсь. И ты возгордишься потом, полная заботы и дела. Вновь спрядешь еще лучшие свои покрывала. Опять с благодарностью примут люди все дары твои. Ты придумаешь для людей столько новых забот и маленьких умыслов! Даже самый глупый почувствует себя умным и значительным. Уже вижу радостные слезы, тебе принесенные. Подумай, Лакшми, родня моя! Мысли мои полезны тебе. И мне, сестре твоей, они радостны”. Вот хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли в ее голову. Но Лакшми рукою отвергла злобную выдумку Сивы.

Тогда приступила злая, уже
потрясая руками и клыками
лязгая. Но сказала Лакшми:
“Не разорву для твоей радости
и для горя людей мои покрывала.
Тонкою пряжею успокою людской
род. Соберу от всех знатных очагов
отличных работниц. Украшу
покрывала новыми знаками, самыми
красивыми, самыми заклетыми.
И в знаках, в образах лучших
и птиц и животных пошлю к очагам
людей мои заклинания добрые”. Так
решила благая. Из светлого сада
ушла ни с чем Сива Тандава.
Радуйтесь, люди! Безумствуя,
ждет теперь Сива Тандава
разрушения временем. В гневе
иногда потрясает землю она.
Тогда возникает и война и
голод. Тогда погибают народы.
Но успеваает Лакшми набросить
свои покрывала. И на телах
погибших опять собираются люди.
Сходятся в маленьких торжествах.
Лакшми украшает свои покрывала
новыми священными знаками.

1909

IV. НАСТАВЛЕНИЕ ЛОВЦУ, ВХОДЯЩЕМУ В ЛЕС ЛОВЦУ, ВХОДЯЩЕМУ В ЛЕС

Дал ли Рерих из России
— примите.
Дал ли Аллал-Минг-Шри-Ишвара из Тибета
— примите.
Я — С НИМ.
В час восхода я уже найду
тебя бодрствующим. Ловец!
Вооруженный сетью, войдешь
ты в лес. Ты приготовился.
Ты умыт и бодр. Тебя
не стесняет одежда. Ты
препоясан. И свободны
мысли твои. Да, ты
готовился! И простился
с хозяином дома. Ты
ловец, лес полюбил. И
ловом твоему роду благо
ты принесешь. Затрубить ты готов.
Большую добычу ты наметил
себе. И не убоился тяжести

ее. Благо! Благо! Вступивший!
Крепки ли сети твои?
Ты их укреплял долгим
трудом? Испытал их
пробными ударами? Ты
весел? И если смех твой
устрашит часть добычи
— не бойся. Но не греми оружием
и не окликай громко ловчих.
Ах, при неумении, из ловца
тебя сделают загонщиком.
И даже ловчий будет хозяином
твоим. Собери знание. Соблуди
путь твой. Почему ты
озираешься?
Под красным камнем залег
красный змий. И зеленый мох
скрыл зеленую змейку. Но
ее жало так же остро. Уже
с детства тебе твердили
о змеях и о скорпионах.
Целое учение страха! Но
много щебечущих и свистящих
полетит за тобою. И шорох
переползет тропу твою. И
завывание пронзит твоё
ухо. Из червей вырастают
киты. И крот становится
тигром. Но ты знаешь
сущность, ловец. Это все —
не твое. Твоя — добыча!
Спеши! Не медли! Вступивший!
Не истрать сети твои на
шакалов. Добычу знает
только ловец.
Иногда тебе кажется, что
ты уже многое знаешь. Но
все-таки ты не знаешь, кем
положены круги камней на
опушке? Что они значат?
И кого предостерегает знак
на высокой сосне? Ты даже
не знаешь, кто наполнил
черепами овраг, в который
ты заглянул? Но если и ты
подвергнешься опасности —
не спускайся в овраг и не
скройся за деревом. У тебя
пути без числа и только
один у врага. Из преследуемого
сделайся ты нападающим.
Как сильны нападающие и
как бедны оправдывающиеся.
Оставь защищаться другим. Ты
нападай.

Ибо ты знаешь, для чего
вышел ты. И почему ты
не утрашился леса. Священный
и страшный и благословенный
лес. Дай ловцу пройти тебя.
Не удержи его. Не скрой
пути и тропинки. И не
испугай. Я ведь знаю, ты
многоголосный. Но я слышал
твои голоса. И ловец мой
возьмет добычу свою. И ты,
ловец, путь свой знай сам.
Не верь зовущим и не
обращайся к сообщающим.
Ты, только ты, знаешь
добычу твою. И не предпочтешь
малую добычу и препятствиями
не огорчишься.
Удивляющийся уже открыт
для врага. Впавший в раздумье
теряет сети свои. А
потерявший возвращается
назад в поисках. Но пойдешь
ты вперед, ловец! Все
оставленное позади — не твое.
И ты знаешь это так же,
как я. Ибо ты знаешь все.
И припомнить все можешь.
Ты знаешь о мудрости.
Ты слышал о смелости.
Ты знаешь о нахождении.
И ты проходишь овраг
только для восхода на холм.
И цветы оврага — не твои
цветы. И ручей ложбины не
для тебя. Сверкающие водопады
найдешь ты. И ключи родников
освежат тебя. И перед
тобой расцветет вереск
счастья. Но он цветет
на высотах.
И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя
добыча пойдет через хребет.
И пылая на небе, поднимаясь над
вершиной, она остановится.
И будет озираться. И ты не
медли тогда. Это твой час.
И ты и добыча будет на
высотах. И ни ты, ни добыча
не пожелаете спуститься
в лощину. Это твой час.
Но, закидывая сеть, ты знаешь,
что не ты победил. Ты
взял только свое. Не считай

себя победителем. Ибо все —
победители, но точно не
припомнят.

Я привел тебя к широким
рекам и к необъятным
озерам. И я тебе показал
океан. Видевший бесконечное,
не потеряется в конечном.
Ибо нет бесконечного леса.
И каждую топь можно обойти.
Ловец! Мы вместе плели твои
сети. Мы вместе ловчих искали.
Мы вместе избирали места
наилучшего лова. Мы вместе
избегали опасности. Вместе
мы утвердили наш путь.
Без меня не познал бы ты
океана. Без тебя не узнаю
радость твоего счастливого
лова. Я люблю тебя, мой
ловец! И Сыном Света я
лов представлю твой.
И если бы ты даже ошибся.
Если бы временно спустился
в ложбину. Если бы даже оглянулся
на черепа. Если бы смехом
отстранил часть добычи. Но
я знаю, что не переставая идешь
ты для лова. Не смущаешься
и не потеряешь пути. Ты
знаешь, как по солнцу путь
находить. И как по вихрю
обернуться к дороге. А кто
зажег его — Солнце? И кто
пригнал его — Вихрь? Но
из области Солнца говорю
с тобою. Твой друг и
наставник и спутник.
Ловчие и загоновожатые пусть
будут друзьями. И после лова,
отдыхая на холме, призови
ловчих и загоновожатых.
Расскажи им, как ты шел
до холма. И почему ловец
не должен ждать по оврагам.
И как на гребне встретил
добычу. И как ты будешь знать,
что эта добыча — тебе. И
как надо миновать малую
добычу. Ибо кто идет
к ней, тот с ней и
пребудет.
Расскажи также, как ловец
несет на себе признаки
лова. И как он, только он,

знает уменье и добычу свою.
Не разгласи о лове незнающим
о добыче. В час огорчения, в час
бедности они наймутся
загонщиками и через заросли
примут участие в лове. Но
пойми, ловец, пойми ты ловчих.
С ними испей воду у костра
отдыха. Пойми понимающий.
И кончая ловлю, почини сети
твои и задумай лов новый.
Не пугайся и не пытайся
пугать. Ибо если не испугаешь,
страх обернется на тебя
еще больший. Задумывай просто.
Ибо все просто. Все прекрасно
прекрасномысленное.
Всякий страх ты победишь
непобедимую сущностью
твоею. Но если задрожешь, то
пораженный, уничтоженный,
ни кричащий, ни молчащий,
утративший сознание времени,
места и жизни — лишишься
остатков воли. И куда
пойдешь ты?
А если кто из утомленных
загоновожатых скажет тебе
против ловли. Не слушай его,
мой ловец! Размягчающие!
Эти заслонившие себя
сомнением! Какова будет
их ловля? И что они
принесут своим близким?
Снова пустую сеть? Снова
желания без исполнений?
Потерянные, как утеряно
их бесценное время. Ловец
— для лова. Не внимай часам
утомления. В эти часы ты
не ловец. Ты — добыча! Вихрь
пройдет. Промолчи. И опять
возьмешь рог свой. Не опаздывая,
не бойся опоздать. И настигая,
не оберни голову. Все понятное
непонятно. И все объясненное
необъяснимо. И где предел
чудесам?
И еще последнее, о ловец
мой! Если в первый день
лова ты не встретишь
добычу. Не сокрушайся.
Добыча уже идет для тебя.
Знающий ищет. Познавший —
находит. Нашедший изумляется

легкости овладения. Овладевший
поет песнь радости.
Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Ловец!
Трижды позванный.

15.IV.1921

Chicago